

Александр Афанасьев

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Говорить о специфической немецкой философской традиции как целостном явлении весьма затруднительно, если учесть огромное разнообразие школ, направлений, индивидуальностей. Нет такой философской темы или проблемы, где влияние немецкой философии не было бы значительным. И все же в разработку философских основ гуманитарного знания, выделение проблемного поля методологии гуманитарных наук, немецкие философы внесли особый, значительный вклад. Можно долго перечислять выдающихся немецких мыслителей XX, XIX, XVIII веков, работавших в этом русле, но с углублением во временную толщу яркость этих имен не тускнеет. Влияние их идей ощутимо в постановке и решении многих современных проблем, в том числе проблемы рациональных оснований гуманитарного знания. Причем, логика развертывания данной темы захватывает самые разные школы и направления: рационалистов и иррационалистов, материалистов и идеалистов, объективистов и субъективистов, философов исторической и историцистской, сциентистской и антисциентистской ориентации. Целью статьи является анализ влияния идей немецких философов на развертывание актуальной современной проблемы рациональных оснований гуманитаристики.

Особое значение в этом плане имел сформулированный И. Кантом идеал научности. Он, с одной стороны, определил математику и естествознание как всеобщую форму научного знания, задав образец научности и во многом определив форму развития науки. Но, с другой стороны, тем самым была заложена традиция, в рамках которой многие гуманитарные дисциплины и их особая методология не могли обрести научный статус. Гегелевские и марксистские установки на единый научный идеал, развившие эту сторону кантовского наследия, вынуждали игнорировать многие специфичности социальных и гуманитарных проблем. Ведь статус научности гуманитарное знание приобретало лишь в том случае, если преодолевалось индивидуальное, единичное, эмпирическое, а субъект познания и социально-исторической деятельности возносился на трансцендентальный и абсолютный уровень. Справедливости ради следует подчеркнуть, что стремление соответствовать такому высшему проявлению научности, корни которого все-таки восходят к кантовскому идеалу математического и естественнонаучного знания, способствовало развитию многих дисциплин социально-гуманитарного цикла: социологических, лингвистических и др., – соответствовавших строгим идеалам научности. В указанном пла-

не нельзя не заметить влияние классической немецкой философии, особенно гегелевской, нацелившей науку на изучение культурно-исторических форм деятельности абсолютного субъекта истории. Это предопределило бурное развитие гуманитарных наук XIX и XX веков, особенно исторических дисциплин: гражданской истории, истории литературы, искусства, религии, мифологии, языка, философии, науки, государства, права, хозяйства и т. д. Их неполное соответствие строгим научным (читай – естественно-научным) идеалам объяснялось скорее молодостью и неразвитостью этих наук, чем сущностными характеристиками. Здесь нельзя не отметить и роль философии Маркса, современные критики которого часто упускают из виду вклад марксизма именно в развитие наук социально-гуманитарного цикла. Сама социально-экономическая концепция Маркса не без оснований претендовала на роль научно-философской теории, поскольку во многом соответствовала идеалам научности своего времени и сама участвовала в их формировании [1, с. 54–57].

Единство научной методологии, приверженцами которого были как Гегель, так и Маркс, не столь очевидно для других немецких философов. Здесь сказалось влияние идеи Канта о двух сферах бытия, двух мирах, в которых существует человек: природном мире и внеприродном, человеческом мире. Но если для Маркса это означало лишь специфику социальных законов, отличных от природных, но отнюдь не предметное или методологическое противопоставление, то в ряде направлений послекантовской философии, особенно начиная с романтиков, сформировалось представление о принципиальном различии природы и культуры, природы и социума. Отсюда недалеко до идеи о различии и противостоянии гуманитарных и естественных наук и применяемых ими методов.

Одним из первых, кто усомнился в абстрактном естественнонаучном идеале научности, был Г. Гердер, который привлек внимание к таким феноменам как народ, эпоха, культура. Да и Ф. Шлейермахер, отдавая должное Целому и Вечному, пытался обратить внимание на исторические реальности. Он считал, что философия должна изучать не столько теоретический разум и естественнонаучное мышление, сколько повседневную обыденную жизнь. Изучая повседневность, познание неизбежно повернет от поиска общих законов к обнаружению единичного и индивидуального. Это уже совсем не кантовская постановка вопроса: научное познание должно ориентироваться на индивидуальное. Соответственно, естествознание и математика, как и вообще «науки о природе», теряют свой образцовый статус и начинают отгесняться «науками о духе», ныне называемыми гуманитарными. Для нас не столь важно, что разработчики этой темы не пришли к единству относительно психологических, культурных, ценностных или исторических оснований наук о духе. Гораздо существенней, что их специфика была зафиксирована. В. Дильтей даже проводил различие

между науками о природе и науками о духе по трем основаниям: по предмету познания, по материалу и по их методу [6, с. 15].

В работах В. Дильтея, И. Дройзена, Г. Зиммеля, Ф. Шлейермахера и др. сложилась достаточно развитая концепция специфичности гуманитарных наук, как наук о духе, т. е. о духовной жизни, мире переживаний и соответствующих культурно-исторических образованиях. Их усилиями отрицалась идея методологического монизма, доказывалась необоснованность переноса естественнонаучных идеалов и подходов на гуманитарную сферу, утверждалась независимость особой духовной реальности, неподвластной естественным наукам. Отличительными особенностями этой тенденции стали психологизм в онтологическом обосновании предмета гуманитарных наук, интуитивизм, вживание, понимание в методологии гуманитарного знания, антипозитивизм в гносеологии и эпистемологии. Их критики усматривали в этом изрядный налет иррациональности на гуманитарных науках, несовместимый с идеалами научности. Но сам факт философского анализа гуманитарной сферы и ее рациональных и нерациональных феноменов свидетельствует о попытках выявления рациональных оснований гуманитаристики и о стремлении отгеснить нерациональные аспекты и сузить сферу иррационального.

В этом смысле возрождение кантовской идеи о конструктивной роли разума, в частности неокантианцами, имела немаловажное значение, а лозунг «назад к Канту» скорее означал движение вперед на пути расширения сферы рационального. Сказанное относится и к марбургской школе, где познание означало рациональное конструирование предмета, и к баденской школе, где наука понималась как переход от иррациональной действительности к рациональным понятиям. Даже индивидуализирующий метод, исключая формулировку общих законов истории, означал скорее наступление рационального на иррациональное, чем наоборот.

Сторонники единой методологии обычно акцентируют внимание на противопоставлении Г. Риккертом гуманитарных и естественнонаучных методов. «Я, — отмечает Риккерт, — противопоставляю генерализирующему методу естествознания индивидуализирующий метод истории» [7, с. 75]. На этом ставится точка, из-за чего позиция философа существенно искажается. Между тем, Риккерт, различая методы гуманитарной и естественнонаучной областей, не проводил жесткого различия предметных сфер, тем самым, допуская применение методов в разных предметных областях. «Конечно, и естественнонаучный метод также применим в области культуры, и ни в коем случае нельзя утверждать, что существуют только исторические науки о культуре. И наоборот, можно до известной степени говорить об историческом методе в науках о природе» [7, с. 54].

Попытки выявить рациональные основания гуманитарного знания не прекращаются и в XX веке, в частности в связи с разработкой проблемы

интерпретации. Г. Гадамер показал, что исходные позиции для интерпретации уходят в необозримую, не поддающуюся рациональной реконструкции основу изначального дотеоретического понимания мира, укорененную в традиции, языке, общности жизни. К этому изначальному запасу понимания существенно ближе не естествознание, а именно гуманитарная сфера: литература, искусство, мораль, исторические сказания, жизнеучения. Важно подчеркнуть, что, если гуманитарные науки часто натываются на островки иррационального в своем предмете, это не означает сужения сферы рационального, а, напротив, попытки их рационального «схватывания». Ю. Хабермас подчеркивает, что интерпретаторы вынуждены соблюдать стандарты рациональности, поэтому всякая интерпретация является рациональной, а надежная интерпретация достигается лишь при рациональной реконструкции всех условий, в которых интерпретируемое высказывание претендует на значимость [8, с. 51].

Разумеется, рациональные основания гуманитарного знания являются исследовательской темой мировой философии, но именно немецкие философы внесли решающий вклад в эту сферу философского знания. Даже краткий экскурс в историю философского осмысления гуманитарных наук в немецкой философии позволяет выявить две тенденции. Первая тенденция акцентировала внимание на том, что гуманитарные науки как минимум в некоторых аспектах весьма схожи с естественными и используют те же методы и средства познания и представления знания, представляя общенаучные идеалы. Вторая тенденция подчеркивала другую особенность: гуманитарное знание существенно отлично от естественнонаучного и пользуется специфическими концептуальными установками и средствами познания и представления знаний. Причем специфичность усматривалась в признаках, на первый взгляд, несовместимых: от иррациональности до особых стандартов рациональности гуманитарных наук. Указанные тенденции не обязательно представлять взаимоисключающими. Напротив, можно продемонстрировать их взаимодополнительность, в частности на пути различения объектной и субъектной рациональности [2, с. 3–7].

Объектная рациональность подразумевает достаточно жесткие критерии: законы логики, четкие правила и образцы познавательных действий, каузальные схемы объяснения, научные законы, систематичность и др. требования науки. Перечень этот достаточно длинный и в перспективе уходит в бесконечность, поскольку идеалом такой рациональности является Абсолютный Разум. В этом смысле объектная рациональность тяготеет к универсальности, хотя в своем реальном функционировании рациональность далека от этого идеала. В то же время объектная рациональность не тождественна научной. С одной стороны, в научной рациональности присутствуют явные и неявные ценностные установки и личностные факторы, от

чего объектная рациональность стремится избавиться. С другой стороны, объектная рациональность подразумевает некоторые вненаучные феномены духа, например, апелляцию к разуму в теологии, искусстве, обыденном сознании и т. д., которым придается бессубъектный характер. Объектная рациональность есть своеобразная установка сознания: стремление устранить влияние субъекта, представить рассматриваемое явление таким, каким оно есть «на самом деле». Объектная рациональность может быть нацелена на любые феномены внешнего мира, человеческой деятельности, психики, культуры, но только под одним углом зрения – рассматривая их как особые предметы, которые подчиняются объективным законам. В объектной рациональности весьма затруднительно выявить специфику гуманитарного знания, и тезис о единой рациональности здесь вполне уместен. Это и служило основанием для отрицания особых методов и познавательных средств в гуманитарных науках и для ориентации на естественнонаучные идеалы, к которым гуманитарные науки якобы должны стремиться, чтобы конституироваться в качестве полноценных наук.

В то же время духовная активность субъекта не всегда ориентирована идеалами строгого научного познания. Вместо установки сознания на устранение влияния субъекта может иметь место противоположная установка на включение субъекта в рассматриваемое явление или просто не быть таких установок. Подобные феномены духовной и практической деятельности вряд ли попадают автоматически в разряд иррационального, хотя под единый идеал рациональности их невозможно подвести. Но в некотором смысле рациональность может хотя бы потенциально покрывать многие, если не все формы духовной активности, в том числе вненаучные. Во-первых, последние могут быть рационально описаны и объяснены в тех или иных теориях. Во-вторых, они, как правило, соответствуют некоторым культурным или социальным нормам, природа которых, в конечном счете, рациональна. Даже гнев или иные, на первый взгляд, абсолютно иррациональные эмоциональные всплески духовной деятельности индивидов или групп осуществляются в некоторых культурных нормах и уж, во всяком случае, описываются и объясняются определенным рациональным образом. В-третьих, сами индивиды, осмысливая свои многообразные духовные проявления на сеансах психотерапевта, в дневниках и автобиографических очерках, в письмах и устных повествованиях, облачают их в определенные рациональные формы. Все это не относят к научной рациональности, поскольку последняя связывается с объектной рациональностью, требованиям которой вышеназванные проявления духовности действительно не соответствуют. Однако в рамки субъектной рациональности они укладываются.

Субъектная рациональность многообразна, охватывает довольно

пестрый спектр духовной сферы деятельности: от науки до обыденности, от уникального до всеобщего, от знания до ценности, от обоснования до верования. Иррациональными их иногда называют лишь с позиций жесткой научной рациональности. Именно констатация феноменов субъектной рациональности служит поводом для отрицания единой рациональности, для противопоставления гуманитарной сферы духа естественнонаучной, для поиска особых, специфических методов и средств гуманитаристики.

Не претендуя на полноту описания, отнесем к субъектной рациональности пять наиболее часто встречающихся проявлений духовной деятельности, расположенных в порядке удаления от объектной рациональности.

Во-первых, имеется в виду фиксация нетипичного. В ряде случаев невозможно абстрагироваться от места, времени, ситуации и прочих специфичностей, «единичностей» при изучении человека, его деятельности или мышления и выйти на абстрактно-рациональные, идеальные конструкты. Это встречается в исторических исследованиях, когда существенным оказывается изучение традиций данной семьи, отдельной фабрики или поместья, что нередко ближе к литературе, чем к науке, но без чего не будет сколько-нибудь полного представления изучаемой эпохи. Аналогичные примеры можно обнаружить в психологии при нестандартном поведении индивида или группы, в литературоведении и художественной критике, сталкивающихся с уникальным талантом и т. д.

Во-вторых, субъектная рациональность предполагает учет личностного и вообще субъективного при ссылке на разумность. Если для объектной рациональности степень объективности гуманитарного знания, как и вообще всякого знания, прямо пропорциональна степени его удаленности от субъекта, то для субъектной рациональности мера личностной вовлеченности прямо и непосредственно коррелирует с мерой объективности и точности гуманитарного знания, например, если целью исследования является точная характеристика исторического персонажа или деятеля искусства. Кроме того, установлено, что субъективное понимание исторических событий или социальных фактов участвует в построении самих фактов, в частности, в различных формах нарратива [4, с. 33] и существенно при анализе любого текста [5, с. 459–460]. К тому же субъектная рациональность предполагает учет изменений исследуемого субъекта в ходе диалога с субъектом-исследователем [3, с. 383]. Очевидно, что стандарты жесткой объектной рациональности тут не работают.

В-третьих, к субъектной рациональности можно отнести ценностные представления, играющие явную роль, например, в процессе художественного освоения действительности и не столь явную роль в

научном творчестве. В содержании сознания всегда присутствуют сплав знаний и ценностей. Но оценочные суждения ученого не входят непосредственно в состав порождаемого знания, они остаются в контекст открытия, который опускается при экспликации или трансляции научного знания. В этом плане гуманитарному исследованию на предмет обнаружения субъектной рациональности подвергаются и естественнонаучные тексты.

В-четвертых, субъектная рациональность охватывает индивидуальные мнения, впечатления, особенно злободневные, в журналистике, литературной, художественной, музыкальной критике. Например, в литературоведении можно различать исследования, более близкие к науке и более отдаленные от нее. Первые тяготеют к объектной рациональности, если там соблюдаются критерии объективности, экспериментальной проверки, воспроизводимости опыта и др. Вторые – к субъектной, если там преобладает не позиция ученого, а мнение профессионала, просто делящегося впечатлениями на злободневную тему, не заботясь об их соответствии Абсолютному Разуму, Вечной Истине, Полной объективности. Часто идеальные конструкции трудно или невозможно построить из-за такой особенности гуманитарного знания как большая сложность изучаемых объектов, по сравнению с естественнонаучными, поэтому «впечатления» оказываются единственно возможными, а то и более точными или более понятными, чем громоздкие и противоречивые теоретические конструкции. Кроме того, в гуманитарных исследованиях обнаруживается более сложная, чем в естествознании, ситуация наблюдения: очень часто она оказывается той внутренней позицией, от которой очень трудно, а порой невозможно, отвлечься. Хотя в общем виде субъектная, как и объектная, рациональность понимается как апелляция к доводам рассудка, а не к эмоциям, и к intersubjectивным положениям, а не к личным, особенно непрофессиональным, мнениям, но в конкретных социокультурных ситуациях личные мнения могут иметь общезначимый контекст, а чувства и эмоции – вписываться в некоторые культурные нормы, в особенности, когда провоцируются соответствующей логической аргументацией. Так возникают праведный гнев, истинная скорбь, высшие чувства, которые не покрываются ни рамками иррациональности, ни рамками объектной рациональности.

В-пятых, субъектная рациональность соотносится с представлениями, включающими социально-политическую, нравственно-эстетическую и др. заинтересованность субъекта: групповую, национальную, общечеловеческую. Примером могут служить идеологии, представляющие свой частный интерес как общезначимый. Общезначимой она и выглядит для сторонников данной идеологии. Идеологии, в частности, соответствуют всем пяти, выделенных К.

Хюбнером [9, с. 220–222], основным формам интерсубъективности, в которых проявляет себя рациональность. Действительно, в любой идеологической системе налицо ясность и общая приемлемость понятий и построенных из них суждений, т. е. семантическая интерсубъективность. Имеет место обоснованность чьих-либо высказываний эмпирическими фактами, бесспорными для всех участников дискуссии, т. е. эмпирическая интерсубъективность. Обнаруживается обоснованность высказываний логическими выводами, т. е. логическая интерсубъективность. Бросается в глаза ясность, воспроизводимость и общеприемлемость определенных образцов деятельности, т. е. операциональная интерсубъективность. Наконец, присутствует ясность, понятность и общее согласие относительно правил поведения, т. е. нормативная интерсубъективность. Кстати, это дает основания считать идеологию ненаучной по одним признакам и одновременно научной – по другим.

В качестве выводов отметим огромный вклад немецкой философии в становление и разработку проблемы рациональных оснований гуманитарного знания. Многовековую дискуссию об общенаучных или специфических основаниях гуманитарных наук можно во многом прояснить на пути различения субъектной и объектной рациональности, ориентирующих человеческую деятельность по принципу взаимодополнительности, что позволяет четче выявить рациональные основания гуманитаристики, точнее определить специфику гуманитарного познания, в котором решающую роль играет субъектная рациональность, обнаружить способность гуманитаристики создавать строго научное знание на основе объектной рациональности.

1. Афанасьев А. И., Василенко И. Л. Идеалы научности и формационный подход // Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції «Європейська наука XXI століття: стратегія і перспективи розвитку-2006». – Т. 5. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006.
2. Афанасьев А. И. Объектная и субъектная рациональность гуманитарного знания // Наукове пізнання: методологія та технологія. Науковий журнал № 1 (15), 2005. Серія: філософія, соціологія, політологія. – Одеса, 2005.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – М., 2000, № 3.
5. Гадамер Г.-Г. Истина і метод. – Т. 1. – К.: Юніверс, 2000.
6. Дильтей В. Описательная психология. – СПб.: Алетейя, 1996.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.
9. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: ИФРАН, 1996.